

КОНФУЦИАНСТВО И ЛЕГИЗМ ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ЦИНЬ

Набойченко Александр Олегович,
студент первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и
африканистика»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ

Великий Конфуций

Одна из характерных черт китайской политической культуры – тесная связь политики с историей. Вместе они образуют своеобразный институт, самостоятельную политическую традицию. За две с лишним тысячи лет существования императорского Китая немало поколений китайцев были свидетелями внезапного краха огромной державы, ещё вчера находившейся в зените своей славы. Такие катастрофы случались настолько регулярно, что китайские историографы традиционно осмыслили историю в категориях «расцвета и упадка» (шэн-шуй) империй [2, с. 3].

По словам востоковедов, философия оказывает огромное влияние на развитие государства. Философское движение, достигая огромных масштабов, перерастает в политическую идеологию, которая в свою очередь оказывает первостепенное влияние на политику, проводимую правителем государства. Таким образом,

Книга Л.С. Переломова
«Конфуцианство и
легизм в политической
истории Китая»

правителям приходится либо подстраиваться под режим, заданный общепринятой идеологией, либо менять данный режим на тот, который будет угождать амбициям правителя и поддерживать проводимую им политику [6; 3]. По мнению востоковеда Леонарда Сергеевича Переломова, «наиболее плодотворными, в этом отношении, можно отметить усилия двух политических школ – конфуцианской и легистской. Именно их идеологи оказали решающее влияние на формирование теории государства и права, теории, на основании которой строилась вся практика государственного управления страной вплоть до XX-го века» [6, с. 41]. В данной работе

рассмотрены развитие легизма и упадок конфуцианства во времена правления Цинь Шихуанди. Исследование проведено на основе литературы фонда редких изданий и владельческой книжной коллекции востоковеда, д-ра. ист. наук, профессора В.В. Совастеева, находящейся в читальном зале редких изданий Научной библиотеки ДВФУ.

Владимир Вячеславович Малявин отмечает, что жизненным идеалом Конфуция было желание «следовать влечениям сердца, не нарушая правил» [3, с. 170]. «Вращивание конфуцианской «человечности» заключалось в усвоении традиционных семейных добродетелей, а затем распространении их на все более широкие сферы родовой общности, пока «человечность», благодаря правителю, не воцарится во всем мире. Конфуциева утопия «человечности» знаменовала единение этики, общественных отношений и политики. Основоположник конфуцианства твёрдо верил в неодолимую силу нравственного воздействия, перед

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

которой, по его мнению, не могли не склониться даже дикари. Добродетельному государю, как полагал Конфуций, не было нужды заниматься делами управления; достаточно того, чтобы он «почтительно сидел на троне, и только» [3, с. 170]. Из рассуждений известного синоведа В.В. Малявина в книге «Китайская цивилизация» можно сделать вывод о том, что конфуцианство поддерживало того правителя, который правил бы исходя из нравственности и морали, не опираясь на логику и выгоду для построения империи. В подтверждении этому, В.В. Малявин приводит «разъяснение данного тезиса, принадлежащее Конфуцию: «Правитель да будет правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном» [3, с. 169]. Таким образом, можно сделать вывод, что в своей идеологии Конфуций сравнивает правителя с отцом, а народ с его детьми. Правитель должен быть добрым и нравственно относиться к своему народу.

Конфуцианский муж, согласно традиционному представлению, «действует ни для чего» [3, с. 197]. В.В. Малявин рассуждает о том, что «Конфуций создал модель, так сказать «внутреннего» социума, где люди никогда не равны, не могут иметь общую программу действий (только «низкий человек», говорил Конфуций, ищет сообщников), а отношения между ними регулируются обычаем и доверием и носят интимный характер» [3, с. 197].

Китаевед Л.С. Переломов писал, что «значение ли (правил) весьма объёмно: оно включает в себя: жэнь – человеколюбие, и прежде всего любовь к родственникам и сородичам; ся – сыновнюю почтительность к родителям и предкам, уважение к старшим и подчинение им; честность и искренность; постоянное стремление к внутреннему самоусовершенствованию; вежливость и т. д. Конфуций считал, что уступчивость (жан), особенно для людей, исполняющих государственные функции, является обязательным элементом в делах управления» [6, с. 86].

В противовес конфуцианству существовала и другая политическая школа – легизм. По словам д-ра ист. наук. Л.С. Васильева: «Легисты были главной силой, противостоявшей

конфуцианству именно в сфере социальной политики и этики, т. е. в том, что составляло существо учений Конфуция. Доктрины легизма, его теория и практика в ряде важнейших пунктов были кардинально противоположны тому, что предлагали конфуцианцы» [5, с. 170]. Легисты в политике и этике были, прежде всего, реалистами. Из работы Л.С. Васильева узнаем, что в своих убеждениях легисты полагались больше на логику, а не на нравственность и чувства, все их действия были рациональны и направлены на то, чтобы способствовать развитию государства. «В отличие от конфуцианцев с их приматом морали и обычного права, призывом к гуманности и осознанному чувству долга, культом предков и авторитетом личности мудреца, легисты в основу своей доктрины ставили безусловный примат Закона, сила и авторитет которого должны были держаться

Шан Ян – министр-реформатор и ведущий теоретик легизма

на палочной дисциплине и жестоких наказаниях. Ни семья, ни предки, ни традиции, ни мораль – ничто не может противостоять закону, всё должно склониться перед ним» [5, с. 170].

В.В. Малявин представляет легистов как орудие абсолютной власти: «Особое направление в общественно-политической мысли эпохи Воюющих царств составляла школа так называемых легистов, или законников (фа цзя). Мыслители этого направления занимались разработкой концепций и методов управления, которые должны были обеспечить наибольшую эффективность государственной администрации как орудия абсолютной власти правителя» [3, с. 178].

По словам Владимира Вячеславовича Малявина, «центральное место в легистской традиции занимало учение о законе как о средстве укрепления самодержавной власти. Его создателем можно считать знаменитого реформатора из царства

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Цинь – Шан Яна. Согласно Шан Яну, закон должен быть един и обязателен для всех подданных государства, тогда как сам правитель стоит над законом и изменяет его по своему усмотрению. Любая критика и даже публичное обсуждение закона, по Шан Яну, недопустимы и заслуживают самой суровой кары» [3, с. 179].

Исходя из утверждения В.В. Малявина, можно сказать, что политика легизма изначально была направлена на то, чтобы вложить всю власть над государством в руки правителя, чтобы он в свою очередь мог действовать во благо государства, ориентируясь лишь на свою точку зрения, не опираясь на мнение подданных. Синолог также заявляет, что, «резко отделяя политику от этики, легисты стремились выработать механизмы власти, которые позволили бы претворять волю правителя независимо от его личных качеств» [3, с. 179].

Книга
М.Е. Кравцовой

Мария Евгеньевна Кравцова, одна из ведущих современных специалистов в области истории литературы, искусства и культуры Китая, доктор филологических наук, профессор, уверена, что «легизм – единственное из китайских учений, которое, во-первых, настаивает на исключительно антагонистическом характере отношений государя с подданными и считает первоочередной задачей имперского правления ослабление духовного потенциала собственного народа. Во-вторых, подвергает остракизму образование и апологизирует невежество, откровенно заявляя, что невежественный люд значительно легче

принудить к тяжелому труду и послушанию властям, чем образованных людей. В-третьих, признаёт войны соответствующими потребностям изначальной природы человека, насущно необходимыми для государства и призывает к физическому уничтожению не только политических противников правящего режима, но и всех инакомыслящих» [1, с. 199]. «С

объективной точки зрения, политическая практика в русле легизма вела к ограничению влияния наследственной знати, разрушению некоторых механизмов функционирования традиционных патронимий, усилению роли регулярной администрации и установлению единоличной имперской власти» [1, с. 198].

Исходя из информации вышеперечисленных источников, можно заявить, что главный тезис легизма – полное подчинение существующему закону. Единственное исключение из этого правила – верховный правитель, которому подчиняется всё сущее. Единственное верное наказание для инакомыслящих – смертная казнь. Все решения принимаются исключительно правителем и основаны на принципах власти и закона. Правитель не обязан быть добрым и нравственным по отношению к подданным и прислушиваться к их мнению, его главной задачей является постройка централизованной империи. Данная идеология является полной противоположностью Конфуцианства.

Одним из главных идеологических противников конфуцианства был император Цинь Ши-хуанди, он поддерживал идеи легизма, которые были удобным подспорьем для проведения реформ, способствовавшим объединению мелких государств и построению централизованной империи для отпора государствам кочевников. Л.С. Васильев писал, что тяжёлое для конфуцианцев время было тесно связано с жизнью и деятельностью одного из наиболее знаменитых китайских императоров, могущественного Цинь Ши-хуанди, объединителя страны и основателя китайской империи. Как известно, после реформ легиста Шан Яна в IV в. до н. э. захолустное царство Цинь быстро окрепло, усилилось и, разгромив всех своих соперников, сумело в 221 г. до н. э. объединить весь Китай. Новая империя, воспринявшая легизм в качестве своеобразной «философии управителей», включала в себя как исконно китайские территории с чрезвычайно сильными клановыми традициями, так и окраинные районы, населённые в основном китайскими народностями. В её состав вошли «старые» царства с сильной еще родовой знатью и «новые» территории с полным господством административного деления и чиновниче-

бюрократического аппарата. *Понятно, что добиться военного успеха и силой объединить страну было много легче, чем наладить крепкое централизованное управление всеми этими столь различными по этническому составу, культурным традициям, экономическому и социальному уровню развития районами.* Нужна была умелая и гибкая политика, которая учитывала бы все особенности обстановки и умело сочетала бы все необходимые средства управления [5, с. 173 – 174].

Цинь Ши-хуанди, как можно узнать из источников, выбравший основной идеологией легизм, столкнулся с сопротивлением со стороны народа, а также со стороны идейных последователей конфуцианства, все они требовали возврата к древним формам государства. В очерке Л.И. Думана, востоковеда, историка и экономиста, д-ра. ист. наук, говорилось, что «Цинь Ши-хуанди пришлось преодолеть сопротивление своих политических противников уже после создания централизованной деспотии, он безжалостно расправлялся с оппозицией старой землевладельческой знати и конфуцианской бюрократии. Ярким выражением этой борьбы явилось сожжение конфуцианских книг в 213 г. до н. э. и казнь учёных-конфуцианцев, противодействовавших новым веяниям, пропагандировавших в народе идею возврата к древним формам государства» [4, с. 118].

Цинь Ши-хуанди принял решительные меры и для обеспечения своего идеологического единоначалия. Он запретил своим подданным чтение любых книг за исключением тех, которые могли принести практическую пользу (к последним были отнесены руководства по земледелию, ремеслами, медицине, гаданию). В 213 г. до н. э. состоялось знаменитое «сожжение книг», за которым последовала казнь более четырехсот учёных, заподозренных в нелояльности режиму» [1, с. 76].

Л. И. Думан описал эти события в своей статье, основанной на данных доклада первого министра Цинь Ли Сы, где «указывалось на то, что «ныне учёные (конфуцианцы) не берут в качестве образца современность, а изучают древность, чтобы поносить современность. Они (учёные) мутят народ. При Цинь Ши-хуанди

значительную роль играли представители философского направления легистов, школы «Фа», политические противники конфуцианцев. Из школы «Фа» вышли крупные циньские государственные деятели, в частности министр Ли Сы» [4, с. 118].

Л.С. Васильев пишет: «Цинь Ши-хуанди и его правая рука – первый министр легист Ли Сы, который сыграл огромную роль в процессе создания империи Цинь и которого за это подчас считают истинным «первым объединителем Китая», – пошли по иному пути. Не мудрствуя лукаво, они распространили на весь завоёванный ими Китай ту самую схему администрации, которая была ещё свыше ста лет назад выработана для царства Цинь Шан Яном» [5, с. 174].

Несмотря на скептицизм народа, принятый Цинь Ши-хуанди курс приносил свои плоды: проводились реформы, способствовавшие объединению страны. Создавалась централизованная система государственного управления, отныне уже император назначал министров, ответственных перед ним. Цинь Ши-хуанди изменил форму политической власти, государственного управления. Вместо децентрализованных удельных княжеств, борющихся друг с другом, создавалась централизованная империя, усиливались деспотические формы власти [4, с. 118].

Как следствие, полагает Л.С. Васильев, «возникали конфликты, зрело недовольство, которое подавлялось насилием и репрессиями, ожесточившими население страны. Неслыханные до того поборы и повинности резко ухудшали и без того подорванное войнами экономическое положение империи. Назревал кризис. Для взрыва достаточно было искры. И эта искра вспыхнула в 209 г. до н. э., когда группа мобилизованных крестьян опоздала явиться в срок (за это им грозила смерть) и решила поднять восстание. Мощный взрыв потряс империю, которая вскоре пала, уступив своё место новой – империи Хань» [5, с. 174].

Проанализировав ранее упомянутые источники, можно сделать вывод, что конфуцианство и легизм являются одними из самых значимых политических школ Древнего Китая. Они сыграли свою роль в истории развития и становления Китайской империи.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Во времена правления Цинь Ши-хуанди большее внимание получила легистская политическая школа. Некоторые синологи полагают, что данный период в китайской империи является одним из самых прогрессивных, была построена империя, проведено множество реформ. Тем не менее, Л.С. Васильев делает вывод, что «с падением династии Цинь легисты были оттеснены от руля правления и их место заняли конфуцианцы» [3, с. 174]. Реформы, принятые во времена рассвета легизма, оставались актуальными для государства ещё долгое время. Таким образом, школа законников и их принципы, утвержденные императором Цинь Ши-хуанди на законодательном уровне, внесли огромный вклад в развитие Древнего Китая.

Список литературы

1. Кравцова М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд-во «Лань», 2003. – 416 с., ил. – (Мир культуры, истории и философии).
2. Малявин В. В. Гибель древней империи / В. В. Малявин ; отв. ред. М. В. Крюков. – Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1963. – 225 с.
3. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин ; ред. О. И. Ярикова – Москва : Изд-во «Астрель: Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 631 с.
4. Китай, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость : сборник статей / Академия наук СССР, Институт востоковедения ; под ред. В. М. Алексеева, Л. И. Думана, А. А. Петрова ; [отв. ред. А. П. Баранников]. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 536 с. ; [9] л. ил.
5. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Академия наук СССР, Институт востоковедения ; Л. С. Васильев ; отв. ред. Л. П. Делюсин. – Москва : Наука, 1970. – 484 с.
6. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – Москва : Наука, 1981. – 333 с.

Конфуций с учениками